

В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. (Часть 1)

Стефани Цихаус
Венский университет, Вена, Австрия, ziehausstephanie@gmail.com

Аннотация. В статье представлен исторический анализ иностранного землевладения на Дальнем Востоке Российской империи, а именно: корейцев села Благословенное, Зазейских маньчжуров, а также эвенков и орохонов в Амурской области в период с 1861 по 1917 год. Опираясь на документы местной администрации, а также на официальные законодательные постановления, данная работа дает представление о пересечении суверенитета и подданства, исследует процессы наделения землей, запреты на иностранное землевладение и межевание. В статье показано, как российская администрация формировала институты землевладения и землепользования в зависимости от подданства пользователей земли. Корейцы могли легализовать свое пользование землей путем принятия имперского подданства. Для маньчжуров легализация земли представляла неразрешимую проблему, ведь их земельные владения были связаны с поддержанием суверенитета Цинского государства. Из-за доктрины terra nullius и отсутствия институтов инородного управления, империя не признавала землевладения коренного дальневосточного населения, хотя их самих рассматривала как действительных подданных империи.

Ключевые слова: *Российская империя, Амурская область, землевладение, имперское подданство, корейцы, маньчжуры, тунгусы*

Для цитирования: Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. (Часть 1) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. (Part 1)

Stephanie Ziehaus
University of Vienna, Vienna, Austria, ziehausstephanie@gmail.com

Abstract. The article presents a historical analysis of foreign land ownership in the Far East of the Russian Empire, namely the Koreans of the village of Blessed, the Zazeya Manchus, as well as the Evenks and Orochons in the Amur region in the period from 1861 to 1917. Drawing on documents from local administrations, as well as official legislative decrees, this work provides insight into the intersection of sovereignty and citizenship, and explores the processes of land allotment, bans on foreign land ownership and land surveying. The article shows how the Russian administration formed the institutions of land ownership and land use depending on the citizenship of land users. Koreans could legalize their use of land by accepting imperial citizenship. For the Manchus, the legalization of land presented an insoluble problem, because their land holdings were associated with maintaining the sovereignty of the Qing state. Due to the doctrine of terra nullius and the absence of institutions of foreign governance, the empire did not recognize land ownership of the indigenous Far Eastern population, although they themselves were considered as valid subjects of the empire.

Key words: *Russian Empire, Amur region, land ownership, imperial citizenship, Koreans, Manchus, Tungus*

For citation: Ziehaus S. In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. (Part 1) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 69–80. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/69-80>

Введение

Будучи сельскохозяйственным центром, Амурская область играла важнейшую роль в процессе имперского строительства в конце XIX – начала XX века. Основанная в декабре 1858 года (ПСЗ II Т. 33, Ч. 2, № 33862, с. 452–457)¹, Амурская область находилась к востоку от Забайкальской области (образованной в 1851 году) и граничила на севере с Якутской областью (образованной в 1805 году). Она простиралась вдоль реки Амур, за которой находилась провинция Хэйлунцзян (основана в 1683 году) соседней империи Цин, до реки Уссури. Эти даты хорошо иллюстрируют постепенное расширение Российской империи и постепенную административную интеграцию Дальнего Востока в состав империи. В 1858 году Амурская область и Российский Дальний Восток в целом представляли собой terra incognita для российских администраторов. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-А-

¹ ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

мурский представлял себе восточную окраину как *tabula rasa* [24, с. 1068], где будут реализованы имперские амбиции и прогрессивные идеи России.

Вопрос о распределении земли был центральным для имперских администраторов, которые поначалу предполагали, что проект заселения РДВ будет включать как российских граждан, так и иностранцев. Однако этот проект в конечном итоге вылился в создание Переселенческого управления (1897) и Столыпинские реформы (1906), в рамках которых основное внимание уделялось переселению колонистов из Европейской России и исключению иностранцев, таких как китайцы и корейцы, из числа владельцев земли на РДВ. В этом контексте институт формальной и неформальной собственности на землю представляет особый интерес, находясь на пересечении концепций подданства. Подданство позволило создать параллельные наборы прав и правил для различных подданных – различие в религии, этничность, язык и проч., – что позволило управлять многоэтническим плюралистическим обществом российской империи. Дискурс о концепциях и практиках имперского подданства демонстрирует, как разные категории подданных пользовались разными наборами прав [24, с. 1065–1066]. Вследствие права на землю также следует концептуализировать в зависимости от того, к какой административной категории принадлежали землевладельцы. Имперские категории различают население по вероисповеданию, сословию и этнической принадлежности.

В статье рассмотрены землепользование подданных Цинской империи (китайцев и маньчжуров) и корейцев в Амурской области и законодательные постановления, направленные на установление контроля над их земельными владениями.

В рамках данной работы термин "корейцы" охватывает мигрантов и переселенцев родом из Кореи. Термин "русские" относится в основном к этническим русским мигрантам из западной части империи, но также включает украинцев. Украинцы составляли значительную часть спонсируемых государством переселенцев через морской путь Одесса – Владивосток, открытый в 1860 году. "Китайцы" включали в себя ханьских мигрантов и переселенцев, а также маньчжуров и других подданных Китая различной этнической принадлежности. Такая классификация отражает формулировки первичных документов российской администрации, где применялись термины "кореец", "русский", "китаец" к людям, чья разнообразная и сложная этническая идентичность не обязательно отражалась этими обозначениями.

В рамках правил 1861 существовала возможность частной собственности на землю для иностранных граждан – точнее, для подданных иностранного государства (ПСЗ. II. Т. 36, № 36928, с. 682–685). Правительство имело в виду иностранцев европейских государств, инвестирующих капиталы на Российском Дальнем Востоке, но не подданных соседних азиатских государств, таких как Цинская империя и Чосон Корея, как владельцы недавно приобретённой земли. Хотя юридически земли могли быть предоставлены в собственность всем желающим переселиться на Амур, подданные азиатских империй получить землю легально не могли.

В целом легальная частная собственность на землю не стала базовым институтом на Российском Дальнем Востоке [15, с. 100]. Легитимная частная собственность, означает, что землевладельцы прошли необходимые процедуры межевания и юридического оформления [15, с. 97]. Вместо легальной собственности на землю существовали многообразные формы и практики землевладения, различающиеся для казаков, крестьян, маньчжуров, корейцев и инородцев.

Помимо институциональных особенностей маньчжурского и корейского землевладения, в статье рассмотрено землепользование коренного населения, которое, хотя и было преимущественно кочевым, тем не менее использовало рыболовные и охотничьи угодья и, следовательно, включалось в правовые практики на эти земли. Акцент на землепользовании коренного населения сделан для того, чтобы дать более нюансированное представление о неформальном характере землевладения, который преобладал на Российском Дальнем Востоке.

Два указанных типа нерусского землевладения в Амурской области рассмотрены на следующих кейсах: 1) корейское землевладение – село Богословенное и 2) землевладение маньчжуров поселения в Зазейском районе.

Работа раскрывает ранее не рассмотренные вопросы земельной собственности в Российском Дальнем Востоке, поскольку до сих пор основное внимание в литературе уделялось русским крестьянам и казакам [16; 8, с. 69–73]. Конечно, существует огромное количество исследований о китайских рабочих на российском Дальнем Востоке [25, с. 20–32], в которых основное внимание уделяется фермерам-мигрантам и общему отношению к "желтой опасности" [33, с. 307–330; 35, с. 165–181]. Но в них не поднимался вопрос о владении землей. Растущий корпус работ о корейцах на Российском Дальнем Востоке затрагивает вопросы подданства, национальности и суверенитета [24, с. 1065–1081; 29, с. 3–4; 31, с. 157–197]. Эти работы также не уделяют внимания тому, как подданные и граждане отличались в зависимости от их прав владения землей. Фокус на землевладении позволяет проанализировать широко изученную интеграцию Дальнего Востока в состав Российской империи под новым углом зрения, сосредоточившись на вопросах землевладения и землепользования, а также организации доступа к земле и прав собственности на землю. Неодинаковые права разных групп иностранных землевладельцев демонстрируют, как плюралистическая империя, какой, видимо, была многонациональная Российская империя, концептуализировала и утверждала суверенитет, одновременно трансформируя физическое пространство для утверждения и удержания этого суверенитета.

В 1858 году имперские администраторы задумались над вопросом, кто должен обрабатывать землю в Амурской области. В связи с этим Муравьев и другие прогрессивные администраторы приняли закон от 26 марта 1861 года о поселении русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях. По закону участки должны были отводиться в вечное и постоянное пользование одного лица или одного общества из (как минимум) 15 семейств. Выкупить землю в собственность возможно было по цене 3 рубля за десятину и не более 100 десятин на каждое семейство (ПСЗ. II. Т. 36, № 36928, с. 682–685).

Что касается отношения к иностранцам, закон 1861 года отражал традиционные, инклюзивные установки многонациональной Российской империи раннего нового времени. Следуя прецеденту Екатерины Великой, привлекавшей немецких поселенцев щедрыми земельными пожалованиями и привилегиями, закон 1861 года позволял наделять землей и русских, и иностранцев. Цель его заключалась не в управлении земельными владениями иностранцев, которые уже существовали на Дальнем Востоке или могли приехать из ближайших регионов, а в том, чтобы служить инструментом колониального законодательства, перевозящим иностранцев из Европы на Дальний Восток. В Амурской области это оказалось безуспешным с точки зрения аграрной колонизации: почти все иностранные колонисты селились в городах [7, с. 3], что не устраивало российскую администрацию. Дефицит сельскохозяйственной продукции покрывался за счет поставок продовольствия из Маньчжурии через маньчжурских и китайских купцов. Администрация же хотела инициировать подъем сельского хозяйства на русской земле и тем самым ослабить зависимость от единственных поставщиков зерна и мяса (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 75. Л. 56)². Ситуация осложнялась тем, что переселившиеся русские крестьяне не смогли перенести свои методы земледелия в незнакомый климат и регион. Поэтому распространение закона на другие группы иностранных земледельцев – а именно китайских и корейских – выглядел естественным: эти группы людей были хорошо знакомы с местными условиями, мало отличающимися от условий, к которым они привыкли на своей родине.

Землевладение корейцев села Благословенного

Заселение Дальнего Востока корейцами началось после Пекинского договора в ноябре 1860 года, когда была установлена граница между Российской империей и Кореей, бывшей в то время вассальным государством империи Цин, в результате уступки Уссурийского края России. В январе 1864 года 14 корейских семей поселились возле казачьего форпоста Новгородское в Приморье и вскоре после этого были обнаружены русским штабс-капитаном Гельмерсенем [18, с. 20]. Бухта Посыет была первым районом, где возникло корейское поселение и где было сосредоточено большинство поселений корей-

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

цев впоследствии. Корейские переселенцы были самыми успешными колонистами в Приморье не только потому, что они хорошо знали условия земли, но и потому, что им было выгодно адаптировать российскую подданническую и земельную политику [29, с. 154]. Корейцы, по мнению капитана Гельмерсена, были гораздо более желанными иммигрантами, чем китайцы: они проявили готовность выучить русский язык и принять российское подданство и православную веру [18, с. 25].

После сильных наводнений и неурожая в 1871 году 431 кореец был переселен из этого пограничного района на берега реки Амур. Это положило начало корейскому поселению Благословенное ("Благословенное село"), которое стало наиболее значительной концентрацией корейского поселения в Амурской области. По данным Кириллова, село было основано в 543 верстах от Благовещенска 103 корейскими семьями, численностью 431 человек. [10, с. 78]. Получив государственную помощь на строительство домов, эти поселенцы представляли успех для российских чиновников и внушали мысли о дальнейшем государственном устройстве поселений в Амурской области. Корейцы создали суды, советы старейшин, школы и другие учреждения, которые русские администраторы желали видеть в упорядоченных поселениях [2, с. 1–29]. Российские администраторы намеревались переселить всех прибывших корейцев в Амурскую область, подальше от границы (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 16–18). Благословенские корейцы селились на казачьих землях, поэтому собственниками этих земель были казаки станицы Михайло-Семеновской, которые сдавали землю в аренду корейским переселенцам. Эта казачья станица была основана в 1858 году с образованием административной единицы Амурской области казаками Амурского пехотного казачьего батальона (пешего казачьего батальона). До 1888 г. в станице были расположен штаб пешего казачьего полубатальона, перемещенный в ст. Екатерино-Никольскую [9, с. 251]. По данным Грум-Гржимайло, в 1893 году в станице насчитывалось 90 хуторов, которым было выделено 8380 десятин (8500 га) земли [5, с. 381–384].

Землепользование корейцев регулировалось в соответствии с правилами, установленными для землепользования членов крестьянского сословия. Официально на одно корейское хозяйство выделялось по 15 десятин высококачественной и низкокачественной земли ("удобья" и "неудобья"). Обычно предпочтение отдавалось русским переселенцам, которым выделялось до 100 десятин на хозяйство, но казаки не следовали этим указаниям в отношении землепользования в Благословенном. С их согласия корейцы селились, где хотели, и обрабатывали столько земли, сколько хотели, и не существовало никаких официальных записей о том, сколько земли они на самом деле обрабатывали. Корейские деревни обычно располагались вдоль речных долин и состояли из разрозненных хуторов. Корейцы, получившие российское подданство, основывали свои усадьбы на законных основаниях либо на государственной, либо на казачьей земле. Корейцы, которые оставались иностранными подданными, в итоге селились на окраинах зарегистрированных деревень, создавая скопления незаконных хуторов (выселок или заимок) [29, с. 178]. Фактическая обработка ими земли была незаконной, но тем не менее постоянной (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227а. Л. 360б). Особенно в отношении законодательства о землевладении, корейцы были одной из групп, попавших в "правовую неопределенность" [31, с. 1070]. Благодаря принятию российского подданства и интеграции в крестьянское сословие, они пользовались привилегиями, предоставленными русским поселенцам, но все равно воспринимались как нерусский элемент и оставались гражданами второго сорта. По мнению генерала Приморской области П.Ф. Унтерберга, земельные наделы корейцам должны были выделяться только в местах, непригодных для русских поселений, так как необходимо было сохранить плодородную почву для русских поселенцев, нуждавшихся в земле для ведения сельского хозяйства (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 563. Л. 890б).

В 1880 году как русские крестьяне, так и корейцы в Российском Дальнем Востоке были наделены землей по землеустроительным законам (межевые законы) (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 769. Л. 4). В 1885 году и в 1895 году землемеры выделили земли из казачьих владений корейским хуторам Благословенного. Ни карта первого землемера Тюменцова, ни второго Желей-

щкова не сохранились. Но, по словам самих корейцев Благословенного, на семью было выделено 100 десятин, что соответствовало законам о межевании земли. Согласно окладной ведомости, имеющейся в сельской управе (сельское управление), последний надел был выдан в размере всего 14 700 десятин (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991, лл. 65–67).

По сравнению с китайскими мигрантами, корейцы никогда не воспринимались угрозой аналогичной угрозе, исходящей от китайских подданных, потому что Корейское королевство было намного слабее в своих политических позициях, чем империя Цин. Например, Приамурский генерал-губернатор Беневский утверждал, что корейцы не представляют опасности (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 40. Л. 117–121об). Тем не менее их воспринимали с подозрением, недоверием и расовыми предрассудками. Генерал-губернатор Унтербергер заявил, что главной целью империи на Российском Дальнем Востоке было переселение русских. Поэтому каждый участок земли, пригодный для сельского хозяйства, находящийся в руках корейцев, ослабляет позиции России на берегах Тихого океана [14, с. 95–96]. Корейцы стали рассматриваться как нежелательные и угрожающие, когда в дискурс администрации вошел расовый "желтый" оттенок [24, р. 1067]. В целом начиная с 1880-х годов у российской администрации существовало сильное желание разделить население на российских подданных и иностранцев, но условия на местах оказались более сложными для простого разделения.

По всей империи в конце XIX века российское правительство пыталось упростить и стандартизировать набор привилегий, льгот и прав, принадлежащих иностранцам и подданным [29, с. 124]. Администраторы стремились устранить двусмысленную юрисдикцию в пограничных районах.

В 1882 году закончился 20-летний срок бесплатной аренды казенных земель в Приамурье и Приморье (ПСЗ III, Т. 2, № 633, с. 26–27). Закон объявлял, что освобождение от местных налогов (земских повинностей), как денежных, так и натуральных, и от общих налогов не распространяется на иностранцев, поселившихся в Приморской и Амурской губерниях после 27 апреля 1881 года [29, с. 119]. В "особо достойных случаях" генерал-губернатору Восточной Сибири разрешалось делать исключения по своему усмотрению (ПСЗ III, Т. 2, № 633, с. 27).

Когда в 1892 году привилегии землевладения были расширены во второй раз (ПСЗ III, Т. 12, № 8755), в него был включен даже запрет на иностранное землевладение на Российском Дальнем Востоке [27, с. 87, 90] и категорически запрещено приобретение земли в Амурской и Приморской областях [17, с. 119–24]. В 1910 году даже запретили сдачу казенных земель под поселение лицам иностранного подданства, а также запретили аренду казенных земель в пределах Амурской губернии, Забайкалья и Иркутской губернии (ПСЗ III, Т. 30, № 33858, с. 825). Из-за наплыва китайцев и корейцев, которых государство рассматривало как потенциальную угрозу в случае обострения отношений между Россией и соседними странами [7, с. 93], российское правительство ограничило возможность получения ими постоянного статуса иностранцев [29, с. 120]. Желаящие остаться и продолжить использование обрабатываемой земли должны были принять российское подданство; впрочем, такая возможность была не у всех.

В 1894 году корейцы Благословенного официально приняли российское подданство, следуя законодательным постановлениям, проведенным Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом. В июле 1891 года Корф принял указ, который разделил корейцев на две группы, причислив их к подданным или иностранцам. Корейцам, прибывшим в Россию до 1884 года, была предоставлена возможность принять российское подданство. Каждая семья натурализованных русских получила 15 десятин земли при условии, что они не будут сдавать ее в аренду временным корейским переселенцам. Всем корейцам, прибывшим в Россию после 1884 года, было отказано в российском подданстве. Корейцы, уже поселившиеся в России, должны были отказаться от пользования государственными землями в течение двух лет. Для того чтобы решить, кто из корейцев получает тот или иной статус, в августе 1891 года специальной комиссии под руководством Александра Васильевича Суханова было поручено провести перепись корейцев. К 1893 году около 11 000 корейцев (или 2 900 семей) принесли присягу на верность царю и получили серти-

фикаты, подтверждающие их подданство. Хотя к 1894 году корейцам, которые были отнесены к категории иностранцев, было приказано освободить свои земли, десять лет спустя их все еще находили на тех же землях [29, с. 127]. В 1907 году корейское село (деревня) Благодословенное выросло до 1531 жителя и занимало 1300 десятин (5080 га) (ГИА ДВ ф.704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 2).

В конце XIX века беспокойство российской администрации по поводу иностранцев в значительной степени коренилось в фактическом землевладении, которое выражалось в обработке земли. Корейцы и китайцы, которые не принимали российское подданство, в основном обрабатывали землю, которая им не принадлежала. Официально землевладельцами (владельцами-собственниками) были казаки или крестьяне-землевладельцы, которые сдавали свои земельные участки в аренду корейским и китайским сельскохозяйственным рабочим. Благодословенские корейцы не арендовали и не приобретали землю из государственной казны (из свободных казенных земель) напрямую. В итоге корейцы-иностранцы оказывались нежелательными землевладельцами еще и потому, что они не платили поземельных повинностей и сборов. Казаки юридически были собственниками земли, но государственное казначейство было тем субъектом, который обладал истинными правами собственности, то есть правом перепродажи земли. Казакам выделялась земля с условием, что они не имели права продавать земельные участки. Их права ограничивались пользованием и обработкой земли – именно эти права передавались иностранным подданным. Как писал чиновник переселенческого управления А.А. Кауфман о таком праве пользования: "На практике реализуя права владения, пользования и распоряжения, такой крестьянин фактически являлся полным, ничем не ограниченным собственником захваченной им земли" [10, с. 54].

В 1908 году Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер выразил: "Хотя им земли более во владение не давались, но они нашли другой исход, т. е. брали ее в аренду у казны, крестьян, казаков, частных владельцев [...]" [18, с. 171].

Уравнение землепользования и землевладения являлось важным источником беспокойства местной и центральной администрации в отношении иностранных землевладельцев и в меньшей степени даже русских старо-поселенцев.

Как показал опыт колонизации русскими поселенцами Сибири, хотя русские старожилы не обладали правами собственности *de jure*, они имели права на пользование земли в силу того простого факта, что земля была расчищена, обработана и использована их хозяйством. Российскому правительству было трудно лишить этих фактических землевладельцев права собственности. Поэтому центральные власти испытывали внутреннюю неприязнь "к узакониванию любого землепользования, которое могло бы представлять собой исключительное право и как таковое было бы трудно отменить" [28, с. 12], включая родовую форму собственности бурятских земельных пожалований в Забайкалье и даже казачьих землевладений. Государственная территория была разделена на различные категории законного землевладения, которые представляли собой временное право пользования, однако в итоге земельные пожалования, будь то казакам или инородцам, оставались государственной землей и собственностью казны.

В 1861 году, в начале включения Российской империей Российского Дальнего Востока, корейцы ценились как важные поставщики зерна, а также как источник знаний о выращивании различных растений, прежде всего риса и сои. Корейцы выращивали различные культурные растения, такие как овес, гречиха, конопля, соевые бобы, табак и картофель, а также овощи. Их методы выращивания давали больший результат, чем русские. В 1880-х годах эти начинания рассматривались в менее благоприятном свете, как конкуренция за ограниченные пахотные земли. Нехватка пахотных земель относилась как к Приморью, так и к Амурской области [18, с. 52]. Юг вдоль Амура считался единственным районом, где были обнадёживающие перспективы для земледелия и выпаса скота [4, с. 93–106]. Как пишет чиновник особых поручений А.М. Казаринова в 1907 году в своей докладной записке об экономическом быте русских и корейцев, проживающих в Раздольнинской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области: "они [корейцы]

обрабатывают здесь чужую землю, от 4 до 12 лет, благодаря попустительству соблюдая лишь свои интересы, коренного русского крестьянского населения, владельцев-собственников, нуждающихся в рабочих руках"; "поселившись не на свободных казенных землях, а на участках за кем-либо числящихся, они, [...], по обыкновенному здесь местному расчёту платят всякому хозяину". Он продолжает в докладе, что "сами крестьяне (за исключением нескольких одиночек) земледелием – хлебопашеством [...] не занимаются, " (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 302. лл. 96–102).

Корейцы могли легализировать свое землевладение путем принятия российского подданства, но процесс распределения земли не ограничивался только запретом на иностранное землевладение, а представлял собой обследование ранее существовавших земельных владений для установления порядка землевладения в районе, где захват земли происходил вне контроля правительства. Одним из наиболее заметных районов Амурской области, подлежащих обследованию, были земли, находящиеся во владении иностранных землевладельцев, а именно Зазейский район вблизи Благовещенска.

Землеустройство маньчжурских деревень Зазейского района

В отличие от корейцев, маньчжурские знаменщики, занимавшие эти земли, были неразрывно связаны со строительством империи Цин. Своим присутствием на российской территории и своим землевладением, освященным Айгунским договором, они утверждали цинский суверенитет на российской земле.

Несмотря на то, что по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам Амурская область и Уссурийский край были переданы Российской империи, во второй половине XIX века обе империи были вовлечены в сложный процесс распутывания паутины общего суверенитета и конфликтующих подвластных территорий в этих регионах. 64 селения в Маньчжурском Клине у Благовещенска представляли собой особенно сложный случай иностранного землевладения в Амурской области. Эти 64 деревни были военными поселениями, первоначально основанными в 18 веке для укрепления границы против опасности вторжения русских. Эти поселения были постоянными и, согласно первой статье Айгунского договора, наделялись неприкосновенными экстерриториальными правами на поселение.

Однако маньчжуры не были первыми поселенцами территории вокруг слияния реки Зеи и Амура (называемой Зазей). Самое позднее с XVII века в этом районе уже были поселены дауры, которые уже занимались хлебопашеством [21, с. 242]. Когда казачьи экспедиции в 1643 (Поярков) и 1650 (Хабаров) годах впервые достигли Амура и основали военную крепость Албазин, местные дауры еще не стали частью расширяющейся маньчжурской империи. Они поддерживали свободные даннические связи с маньчжурами. Из-за последовавших военных конфликтов эти первоначальные поселения дауров цинские власти переселили дальше на юг, в долину реки Нонни. Когда в 1689 году был заключен Нерчинский договор, маньчжуры успешно изгнали русских и прочно закрепились в этом районе. В результате они стратегически разместили цинских знаменщиков, состоящих из китайских, маньчжурских и даурских солдат, в недавно построенном гарнизоне Айгунь (китайский: Айхуэй 瑯瑯, также: Хэйлунцзян чэн 黑龙江城) на южном берегу Амура, а также на северном берегу реки, где ранее располагались даурские деревни. Около 1703 года [26, с. 21] некоторые из первоначальных даурских семей также вернулись из района реки Нонни в Маньчжурский клин. Вместе с примерно 32 казенными поселениями, занимавшими оба берега реки, эти солдаты занимались возделыванием земли и производством зерна для снабжения фортов, возведенных маньчжурами вдоль границы с Россией, и двух главных гарнизонов Айгунь и Цицикар [3, с. 83].

Эти земельные владения были общинными и представляли собой земельные пожалования цинской казны отставным знаменщикам. Идентификация Зазейских маньчжуров как воинов Восьми знамен и их военная служба тесно связывали их с императорами Цин. Система Восьми знамен служила основным инструментом интеграции населения приграничных районов в расширяющуюся империю, таким как дауры.

Особенно маньчжуры как этническая группа играли важную роль в Восьми знаменах, и их этническая идентичность и социальный статус были неразрывно связаны с империей Цин [23, с. 28].

Знаменные гарнизоны представляли собой самодостаточные сельскохозяйственные колонии, созданные в стратегически важных местах по всей империи. Знаменные земли (цтяньь 旗田) распределялись в соответствии с количеством взрослых мужчин в каждой семье, а совместное владение землей объединяло знаменщиков в компактные сообщества. Военные фермы (тунтянь 屯田) были землями, отданными маньчжурским колонистам для укрепления границы [25, с. 36]. Образование маньчжурских знаменных земель и "императорских поместий", призванных обеспечить занятость для списанных солдат и обеспечить маньчжурский контроль над родиной, привлекало китайских арендаторов и крестьян, которые оставались в качестве арендаторов у маньчжурских помещиков или скваттеров на невостребованных землях [32, с. 505–507].

В процессе подписания Айгунского договора Российская империя столкнулась с группой иностранных землевладельцев, которые занимали земли, необходимые для успешной колонизации всего российского Дальнего Востока [22, с. 69–71]. Будучи подданными иностранной державы, они угрожали законному владению этой территорией. Хотя Российская империя получила землю, зазейские маньчжуры сохранили вечное право на поселение и обработку земли, что еще раз показывает, что фактическое землепользование было сопоставимо с землевладением, даже если правовая база не давала зазейским маньчурам права на частную собственность в рамках российского законодательства. Это право на пользование утверждал маньчурам Айгунский трактат: "Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали" [11, с. 47].

Однако после подписания Айгунского трактата сборы за земли и разные притеснения возникали постоянно из-за того, что "по обнародовании Айгунского трактата не были приведены в точную известность пределы земель и угодий, бывших в то время в действительном пользовании китайцев, оставленных по тому трактату в пределах Амурской Области" [1, с. 2].

Кроме того, маньчжурские и русские чиновники имели разное понимание этой статьи Айгунского трактата. "Земля, состоящая во владении маньчжур, цинским правительством считалась государственной собственностью" [1, с. 8]. Когда возникли сборы за земли рядом с селом Гильчин в маньчжурском клине, амбан Айгуна ответил своему русскому коллеге, губернатору Амурской области, что договор между Россией и Цинской империей сохранил "неприкосновенность собственности", чтобы "возможности к спорам не возникало и добрая дружба укреплялась бы на вечные времена" (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 537, лл.13 об – 14).

Было несколько попыток утвердить российский суверенитет и контроль в этом районе: строительство телеграфных столбов постоянно срывалось местными жителями, которые воровали столбы или умышленно повреждали линию (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42). Военный губернатор был взбешен, но не имел полномочий наказывать маньчжуров самостоятельно; он написал амбану в Айгуне, чтобы тот велел своим подданным оставить телеграфные столбы в покое.

Самой решительной попыткой установить контроль стала первая комплексная съемка земли и населения в Маньчжурском клине, проведенная в 1881 году русским чиновником Назаровым, который сообщил о 13 923 жителях, включая маньчжуров, китайцев и дауров, занимавших площадь в 10 800 десятин (17699 га). В 1880 году российский землемер Лузин вместе с маньчжурским чиновником Селимбату провели временную границу между маньчурами Зазея и землями, обрабатываемыми русскими поселенцами [6, с. 114].

Летом 1881 года Александр Георгиевич Назаров был направлен в Зазейский край с целью изучения местного населения и сбора географического и статистического материала для военных. В 1882–1883 годах за общим обследованием Назарова последовали обширные земельные исследования (раз-

межевание). Назаров опубликовал описание Маньчжурского Клина, а также карту, на которой была показана территория 64 деревень [12, с. 17–48].

Военный губернатор Амурской области генерал-майор Баранов заметил, что, по мнению амбана Айгуна, "маньчжуры и другие подданные Китая в пределах Амурской области никогда и ни в чем не должны быть стесняемы и права их на природные богатства этой области должны оставаться такими же, какими были до Айгунского трактата" [1, с. 3]. По мнению Баранова, просто определить границу между территориями маньчжуров и русских недостаточно. Но для того, чтобы поставить межевые знаки и сохранить их целостность, то есть чтобы сохранить "неприкосновенность граничной межи" потребуются военные силы [1, с. 2].

Как пишет Баранов в 1881 году: "Вследствие чего, по их убеждению, мы не только не имеем никакого права ограничивать в этом отношении желания Маньчжур, но и действуем совершенно против трактатов, отмежевывая государственные земли с постановкой своих межевых знаков в общественную и личную собственность" [1, с. 3].

После предварительных исследований Назарова, в 1883 году русские геодезисты Лузин и Махов окончательно определили пространство, занимаемое маньчжурскими поселениями на территории Российской империи. Они провели конкретную пограничную линию между маньчжурским клином и русской Гильчинской волостью. Первоначально граница была обозначена рвом, вырытым под наблюдением маньчжурских и русских чиновников, а затем укреплена деревянными столбами с надписями на маньчжурском, китайском и русском языках, межевыми знаками и траншеями (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 164. Л. 15–17). Обследование земельных владений маньчжуров является частью более масштабного процесса по определению границ земельных участков, заселенных общинами до установления контроля российского правительства, такими как старожилы и инородцы.

19 ноября 1899 г. губернатор Амурской области К.Н. Грибский создал комитет, который должен был ознакомиться со всеми топографическими и разграничительными работами, произведенными на территории Зазейских маньчжур, и решить все назревающие конфликты с маньчжурами (РГИА ДВ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 885. Л. 13). Судьба маньчжурского клина решилась 16 июля 1900 года в ходе Ихэтуаньского восстания: после мобилизации амбаном Айгуна вооруженных сил и осады Благовещенска, местный Амурский казачий полк начал ликвидацию Маньчжурского клина, изгнав из него около 10 000 жителей (по переписи населения 1897 года). Императорским указом в марте 1901 года земли маньчжурского клина были отданы Амурским казакам с целью заселения земель и защиты Приамурского края от дальнейшего военного противостояния с китайцами [26, с. 69–100].

В 1907 году Министерство иностранных дел Империи Цин пыталось договориться о компенсации или даже о восстановлении утраченного имущества маньчжуров, пережившего ликвидацию живущих в долине реки Нонни. Российская администрация ответила на запрос, что маньчжуры отказались от прав проживания и собственности, покинув свои поселения [36, с. 235–254].

Положение корейцев на Дальнем Востоке России совсем другое, чем у китайцев. Как успешные земледельцы, они оказались полезными для Российского государства и поддержали российскую колонизацию. Поэтому они могли легализовать их земельные владения путем предоставления им российского подданства, как и случилось в 1893 году.

В отличие от корейцев, российское правительство категорически исключило китайцев из каких-либо претензий на землю. Однако маньчжуры Маньчжурского Клина как китайские подданные представляют собой уникальный случай: Айгунский договор узаконил их землевладения. Своим присутствием они подрывали суверенитет России, и, будучи знаменными восьми знамен, их собственность, по сути, выражал собственность империи Цин. Российское государство должно было признать их землевладения, но попыталось путем тщательного межевания определить границы их земельных владений. Рост населения вызвал необходимость расширения территории, что привело к непрекращающимся земельным конфликтам. Комитет Грибского в 1900 году снова пытался определить границы участков маньчжуров, но новый проект землеустройства был прерван восстанием боксеров. Кажется, единственным

"решением" этого конфликта было бы физическое истребление и изгнание населения Маньчжурского клина, что и случилось в 1900 году.

(окончание следует)

Литература

1. Выписка из представления военного Губернатора Ам. Обл. Генерал-майора Баранова, от 6 марта 1881 г., за № 2020 // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4 вып.1. Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883. С. 2–11.
2. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1, вып. 1–2. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (П. С. Нихимова), 1875. Разд. паг. Паг. VIII. С. 1–29.
3. Васильев В. П. Записки о Нингуте // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. XII. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1857. С. 79–110.
4. Гассовский Г.Н. Гиллой-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925–1926 г. // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 4. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. С. 471–570.
5. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. Спб.: типо-лит. и переплетная С.М. Николаева, 1894. VI, 640, VIII с.
6. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX века. Москва: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 592 с.
7. Домбровский, Я.В., Частновладельческое хозяйство в Амурской области / Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т. III. Вып. II. СПб., 1913. 307 с.
8. Дорощев М. В. Земельная реформа в Сибири 1896–1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 69–73.
9. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. А. Кириллов. Благовещенск: Типография т-ва Д. О. Мокин и Ко., 1894. IV, 541, I с.
10. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По мест. исслед. 1886–1892 г. СПб., 1897. 277 с.
11. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. Москва: Госполитиздат, 1952. 462 с.
12. Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. 1883, т.14, № 1-2. 18 с.
13. Назаров А.Ю. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назаров // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4 вып.1.Иркутск: тип. Штаба Вост. сиб. воен. окр., 1883. С.17–48.
14. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). Серия: "Корейцы Евразии". М.: Международный центр корееведения МГУ, 1993. 261 с.
15. Польская Е. В., Стасюкевич С. М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX начале XX века // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. С. 91–101.
16. Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.
17. Тесленко А.М. Об ограничении имущественных прав иностранцев (физических лиц) в России в середине XIX – начале XX в. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 6. С. 119–124.
18. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А. А. Торопов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
19. История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. Тураев, А.В. Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Спб: Наука, 2010. 332 с.
20. Усова А.В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зайского края во второй половине XIX века. диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2005. 202 с.
21. Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII в // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. №. 8. С. 238–246.
22. Bassin M.. Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge Studies in Historical Geography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
23. Gerstfeld G. Über Die Zukunft Des Amur-Landes // Petermanns Mitteilungen. 1860. No. 1. P. 93–106.

24. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. No. 49. P. 1065–81.
25. Lee R. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
26. Lensen, G.A. *The Russo-Chinese War*. Diplomatic Press, 1967.
27. Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Russian Research Center Studies 94. Harvard University Press, 2003.
28. Masoero A. Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony: Projects of Land Privatization in Siberia in the Late Nineteenth Century // *Central Asian Survey*. 2010. No. 1. P. 9–32.
29. Park, Alyssa M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Cornell University Press, 2019.
30. Park H. *The Migration Regime among Koreans in the Russian Far East // Inner Asia*. 2013. No. 1. P. 77–99.
31. Petrov A. Koreans in Russia in the Context of History of Russian Immigration Policy // *International Journal of Korean History*. 2008. No. 12. P. 157–197.
32. Reardon-Anderson J. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // *Environmental History*. 2000. No. 4. P. 503–530.
33. Siegelbaum L. Another 'Yellow Peril': Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. No. 2. P. 307–330.
34. Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1988. No. 2. P. 173–190.
35. Stolberg E. The Siberian Frontier between 'White Mission' and 'Yellow Peril,' 1890s–1920 // *Nationalities papers*. 2004. No. 1. P. 165–181.
36. 薛衡天. 江東六十四屯慘案研究 = Сюэ Битянь. Исследование трагедии 64 деревень к востоку от реки Амур // *近代史研究* = Цзиньдайши яньцзю. 1981. № 1. С. 235–254.

References

1. Excerpt from the report of the military Governor of Amur Oblast, General Mayor Baranov, dated March 6, 1881, No. 2020 // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. Vol. 4 issue 1. Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 2–11. (In Russ.).
2. Vagin V. I. Koreans on the Amur // Collection of historical and statistical information about Siberia and its neighbouring countries. Vol. 1, issue. 1–2. St. Petersburg: Russian speed printing (P.S. Nikhimova), 1875. Sec. pag. Pag. VIII. P. 1–29. (In Russ.).
3. Vasiliev V.P. Notes about Ninguta // Notes of the Imperial Russian Geographical Society. Book XII. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1857. P. 79–110. (In Russ.).
4. Gassovsky G.N. Gilyuy-Oldoisky hunting and fishing area. Results of the winter expedition of 1925–1926 // *Productive forces of the Far East*. Vol. 4. Khabarovsk; Vladivostok: Book. business, 1927. P. 471–570. (In Russ.).
5. Grum-Grzhimailo G.E. Description of the Amur region. St. Petersburg: typo-lit. and bookbinding S.M. Nikolaeva, 1894. VI, 640, VIII p. (In Russ.).
6. Datsyshen V.G. History of Russian-Chinese relations at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Moscow: KSPU im. V.P. Astafieva, 2014. 592 p. (In Russ.).
7. Dombrovsky, Y.V., Privately owned farms in the Amur region / Proceedings of a business trip by the highest order. Vol 3. Issue 2. Saint Petersburg. 1913, 307 p. (In Russ.).
8. Dorofeev M.V. Land reform in Siberia 1896–1916. (aspects of the relationship between the authorities and the peasantry) // *Bulletin of Tomsk State University*. 2007. No. 303. P. 69–73. (In Russ.).
9. Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primor'e regions with the inclusion of some points of neighboring countries / Compiled A. Kirillov. Blagoveshchensk: Printing house D. O. Mokin and Co., 1894. IV, 541, I p. (In Russ.).
10. Kaufman A.A. Peasant community in Siberia. According to local research 1886–1892. St. Petersburg: bookshop A.F. Zinzerlinga, b. Meslier and Co, 1897. 277 p. (In Russ.).
11. Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917 / ed. E.A. Adamova, comp. I.V. Kozmenko. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 462 p.
12. Nazarov A.Yu. Manchu, Daur and Chinese of the Amur Region // *News of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. 1883, vol. 14, N. 1–2. 18 p. (In Russ.).
13. Nazarov A.Yu. Note on Chinese subjects of the Amur Region of the General Staff of Lieutenant Colonel Nazarov // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. T. 4 issue 1. Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 17–48.
14. Pak B.D. Koreans in the Russian Empire (Far Eastern period). Series: "Koreans of Eurasia". M.: International Center for Korean Studies of Moscow State University, 1993. 261 p. (In Russ.).

15. Polskaya E. V., Stasyukevich S. M. Private land ownership in the Russian Far East in the second half of the 19th and early 20th centuries // *Bulletin of Leningrad State University named after. A.S. Pushkin*. 2012. No. 3. P. 91–101. (In Russ.).
16. Remnev A.V. *Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th and early 20th centuries*. Omsk: Omsk State Publishing House. Univ., 2004. 552 p. (In Russ.).
17. Teslenko A.M. On the limitation of property rights of foreigners (private individuals) in Russia in the mid-19th – early 20th centuries // *Online supplement to the Russian Legal Journal*. – 2016. No. 6. P. 119–124. (In Russ.).
18. *Koreans in the Russian Far East (1917–1923). Documents and materials / Rep. ed. A. A. Toropov*. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. Univ., 2004. 320 p. (In Russ.).
19. *History and culture of the Far Eastern Evenki: historical and ethnographic essays / rep. ed. Tu-raev, A.V. Russian academician Sciences, Far Eastern Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East*. St. Petersburg: Nauka, 2010. 332 p. (In Russ.).
20. Usova A.V. *History of the Chinese, Manchu and Daurs of the Zazey region in the second half of the 19th century*. dissertation of a PhD candidate of historical sciences: 07.00.03. M., 2005. 202 p. (In Russ.).
21. Tsybenov B.D. Daur clans in the 17th century // *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. 2011. No. 8. P. 238–246. (In Russ.).
22. Bassin M. *Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge Studies in Historical Geography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
23. Gerstfeld G. Über Die Zukunft Des Amur-Landes // *Petermanns Mitteilungen*. 1860. No. 1. P. 93–106.
24. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. No. 49. P. 1065–81.
25. Lee R. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
26. Lensen, G.A. *The Russo-Chinese War*. Diplomatic Press, 1967.
27. Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Russian Research Center Studies 94. Harvard University Press, 2003.
28. Masoero A. Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony: Projects of Land Privatization in Siberia in the Late Nineteenth Century // *Central Asian Survey*. 2010. No. 1. P. 9–32.
29. Park, Alyssa M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Cornell University Press, 2019.
30. Park H. The Migration Regime among Koreans in the Russian Far East // *Inner Asia*. 2013. No. 1. P. 77–99.
31. Petrov A. Koreans in Russia in the Context of History of Russian Immigration Policy // *International Journal of Korean History*. 2008. No. 12. P. 157–197.
32. Reardon-Anderson J. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // *Environmental History*. 2000. No. 4. P. 503–530.
33. Siegelbaum L. Another 'Yellow Peril': Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. No. 2. P. 307–330.
34. Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1988. No. 2. P. 173–190.
35. Stolberg E. The Siberian Frontier between 'White Mission' and 'Yellow Peril,' 1890s–1920 // *Nationalities papers*. 2004. No. 1. P. 165–181.
36. Xue Bitian. Study of the tragedy of 64 villages to the east from the Amur River // *Jindaishi Yanjiu*. 1981. No. 1. P. 235–254. (in Chin.).

Информация об авторе

Стефани Цихаус, аспирант Венского университета, г. Вена, Австрия, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Information about the author

Stephanie Ziehaus, Postgraduate Student, University of Vienna, Vienna, Austria, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024

Одобрена после рецензирования 03.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Received 16.01.2024

Approved 03.02.2024

Accepted 25.02.2024